

Всеволод
Георгиев

Всё
пришедшее
после

 ЭТЕРНА

2014

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г36

Георгиев, Всеволод

Г36 Все пришедшее после: Роман-апокриф. — М.: Этерна, 2014. — 744 с.

ISBN 978-5-480-00345-1

Действие романа происходит в период с 1963 по 1993 год. Он мог бы послужить пособием по изучению этого времени, если бы не необычная точка зрения, с которой рассматриваются те или иные события. В сущности, она основана на представлении, что публичная политика — лишь оформление сакральной исторической миссии, которая поддерживается неизвестными хранителями тайны, посвященными в содержание проекта. К характерным чертам романа относятся отсылки к фактам минувших столетий, обращение к легендам, историческим загадкам и гипотезам. В целом это серьезное, но увлекательное путешествие в действительность, которая оказывается богаче вольного вымысла.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-480-00345-1

© Георгиев В., 2014
© ООО «Издательство «Этерна»,
оформление, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. **ARCADIUS JUVENIS**

(Юноша из Аркадии) 10

1. Московская пастораль 10
2. Первые открытия 24
3. Искатели жемчуга 38
4. Идущий путем одиночества 54
5. Секретное досье 69
6. Сильный с сильным лицом к лицу 85
7. Виталис значит «жизненный» 103
8. Старшая сестра кроткой овечки 116
9. Презумпция верности 132
10. Держа розу за лепесток 148
11. Вне логики 160

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. **TENET CONFIDENTIAM**

(Хранит тайну) 173

1. Вечером во ржи 173
2. Бег по внешнему кругу 188
3. Хочешь много знать — готовься стать
невеждой 201
4. Вызывая духов 217
5. В лето Господне 233
6. В тени замка Святого Ангела 250
7. Мышеловка 266
8. Последний меченосец 284
9. Принцесса и ее офицер 303
10. Красное и серое 321
11. Голос замер в гортани 343

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. PASTOR ET NAUTA

(Пастух и Навигатор)	367
1. Кодекс братства	367
2. Он написал Голгофа	374
3. Достоинство и преумножение наук	390
4. Пятница, тринадцатое	405
5. В благополучии ожидай удара	421
6. Женская война	436
7. Дела временные, истины вечные	451
8. Тетраграмматон	465
9. Конец главы	480
10. Красный сфинкс	502
11. Времена, которые не выбирают	518

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. DIES IRAE (День гнева)

1. И наступит время тяжкое	532
2. Честь дороже страсти	547
3. Те, у кого больше нет возраста	561
4. Реальность, недостойная труда	577
5. Рука невидимая и универсальная	590
6. Двести лет спустя	605
7. Глашатай тайны	622
8. Короли не лгут, поэты не лукавят	638
9. Торжество точного знания	652
10. Человеку надо всегда быть пьяным	670
11. Терпелив, ибо вечен	687
12. Девяносто третий год	703

ЭПИЛОГ

КОММЕНТАРИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы пересекли границу Воеводины и за поселком нашли позицию радиолокационной станции. Перед глазами предстало печальное зрелище.

Тонкие металлические борта передвижных кунгов болотной окраски не могли защитить от обстрела ни оборудования, ни людей, находившихся внутри.

Куда делись люди, мы не знали: убиты ли, ранены, Бог весть; оставалось надеяться, что им удалось покинуть это место раньше, чем взрывная волна перевернула одну из автомашин — она лежала на боку, а осколки пронзили другую — эта, наклонившись, застыла у зеленого пригорка.

Как бы то ни было, а РЛС давно устаревшей конструкции сражалась до конца, и гибель ее была славной. Те, кто обслуживал станцию, — настоящие герои! Так сказал старший нашей группы. Он еще что-то говорил об эффективной поверхности рассеяния и диаграмме направленности — трудно поверить, станция давала целеуказание на суперсовременные самолеты-невидимки F117.

В технике я разбираюсь слабо, из пояснений я только и понял, что этим стареньким радаром цель захватывали не спереди, где помещалась основная радиозащита самолета, а сзади, вдогон. Благодаря смекалке экипажа станции страшные бомбардировщики «Стеллс», черными дельтапланами летящие в ночи над руслом лучезарной Сабы, становились видимыми, и радиолокатор без заминки выхватывал из мрака их координаты. Есть русская поговорка: голь на выдумки хитра.

В желающих заполучить уцелевшую документацию и материальную часть погибшей станции недостатка не было, поэтому в нашу задачу входило срочно изъять или уничтожить и то и другое.

Мои товарищи спешно осмотрели поприще хитроумного радара. Один из них обратил мое внимание на четыре большие тетради в коленкорových переплетях. Они были сплошь исписаны бисерной кириллицей, как оказалось, по-русски. Из группы я один знал русский язык. Открыв первую тетрадь, я прочел: в пятницу, 22 марта 1963 года... Любая, пусть и недавняя, история вызывает мой интерес. Я взял тетради с собой.

В свободную минуту я погрузился в чтение. В моих руках очутился черновик рукописи неизвестного автора, нареченной им романом-апокрифом.

Положительно, некоторые вещи в романе показались мне столь необычными, что я мысленно согласился с таким названием. Некоторым образом знакомый с полной тайных и драматических событий далекой и близкой действительностью, я с удивлением обнаружил, что мы с автором, что называется, мазаны одним мирром. Как добрых знакомых встречал я в рукописи известные мне парадигмы, еще больше я был рад встрече с незнакомыми или незамеченными мною раньше вещами. Некоторые из них казались мне чистой фантазией, однако позже я наводил справки и не раз убеждался, что в их основе лежат прежде неизвестные мне факты.

Чем глубже я погружался в роман, тем больше мне хотелось разыскать его автора. Прошло несколько времени, и я приехал в Россию, однако мои поиски, к глубокому сожалению, не увенчались успехом. В продолжение трех лет мне так и не удалось найти скитальца.

Было бы ошибкой продолжать и дальше играть роль скупого рыцаря, утаивая Случаем доставленный мне предмет для исцеления от скуки. Я решил больше не скрывать от всех спасенную рукопись, а по-людски дать прожить жизнь вместе с героями романа. Как сказал один из них: рукописи не горят, они умирают в архивах.

Возможно, для кого-то из читателей книга раздвинет стены — тогда поднимутся вершины на горизонте, возникнет одновременно идиллический и суровый пейзаж. Так было со мной. Узнавая забытые дали, я не мог не

подумать: «Et in Arcadia Ego¹. Мне ли быть стерегушим драконом?»

С верой в Господина жизни выпускаю эту книгу из своих рук, с волнением ожидаю результата.

Книга поделена на четыре части, названия которых автор счел нужным скрыть за изящной латынью. Вот мой перевод этих четырех названий: «Юноша из Аркадии», «Хранит тайну», «Пастух и Навигатор», «День гнева».

¹ И вот я в Аркадии (*лат.*).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ARCADIUS JUVENIS

(ЮНОША ИЗ АРКАДИИ)

1. Московская пастораль

В пятницу, 22 марта 1963 года, над Москвой сияло чисто вымытое голубое небо. В черных ручьях бликами отражалось солнце. Прохожие обходили лужи, а на подсохшем асфальте школьницы в распахнутых пальто уже расчерчивали мелом классики.

Он... представьте себе пятнадцатилетнего капитана в двенадцать лет. Дети московских дворов выросли рано, однако многим это не мешало на всю жизнь остаться идеалистами, потому что лучшими друзьями и самыми верными их спутниками становились книги.

Если в детстве ты читал хорошие книжки, то в душе, наверное, сохранил отпечаток рыцарства, чести, готовности прийти на помощь и презирал алчность, невежество, корысть и особенно предательство.

Завораживающим достоинством обладали книги о приключениях, битвах и подвигах.

Любимые книжки не всегда занимали место на полках. Их брали у товарищей, в библиотеке, у родственников. Речи не было о том, чтобы найти в магазине свободно стоящие на полках томики Дюма, Вальтера Скотта, Майн Рида, Стивенсона, Луи Буссенара или Фенимора Купера.

Герой нашего повествования, двигаясь по направлению к центру столицы, пересек Садовое кольцо, следуя по улице Чернышевского, миновал продовольственный магазин, парикмахерскую и скрылся в темном и прохладном помещении

букинистического магазина. Не задерживаясь, он пошел прямо, к отделу художественной литературы.

В ту пору в букинистическом магазине можно было приобрести не только известную, но и редкую книгу. Москву населяли небогатые люди, еще никто не бросался приобретать Сервантеса к купленному серванту. Домашние библиотеки накапливались поколениями. Давно Белинский и Гоголь, как мечтал Некрасов, заменили творения Матвея Комарова. К книгам относились серьезно. Впрочем, партия и правительство тоже.

Спустя десятилетие начнется первая московская книжная революция. В обмен на сданную макулатуру (не меньше 20 килограммов) счастливые москвичи будут получать талоны на покупку ставших в одночасье дефицитом избранных произведений избранных же авторов.

Приобретение книг надолго станет увлечением, своего рода спортом, вначале престижным и весьма уважаемым, но постепенно, в течение полутора десятков лет, приходящим в упадок.

На старте алчущие украсить книжную полку «Королевой Марго» смело несли в приемный пункт вторсырья завалывшуюся среди старых книг «Графиню Монсоро», чтобы потом, когда в золотом макулатурном фонде появится та же «графиня», бросить на весы приемщика подписку «Иностранной литературы».

В метро появились люди среднего возраста, чаще женщины (мужчины доставали, по обыкновению, из рукава пальто свежий номер газеты «Правда»), усердно штудирующие новинки макулатурного колдовращения: «Трех мушкетеров» или «Союз рыжих» Конан Дойла, как будто эти книги до настоящего времени были запрещены, не лежали в каждой заводской библиотеке или же не были известны публике и представляли интерес только для литературоведов.

Но все это еще будет, пока же в счастливое дореволюционное книжное время, а всякое дореволюционное время — счастливое, наш юный капитан, притворно хмурясь, разглядывал старые книги. Он нашел что искал — книгу, которую давно прочел, но не имел собственного экземпляра.

В свое время он читал ее не торопясь, желая продлить часы общения с ней. Увы, непрочитанная часть стремительно таяла. Тогда он дал зарок читать не более 12 листов в день. Все равно, окончание приближалось слишком быстро. Настала минута, когда он чуть ли не с досадой захлопнул книгу. Она была прочитана. С той поры он мечтал иметь ее в своей библиотеке. Накопив два рубля, исправно ходил в «бук», зная, что рано или поздно ему повезет.

Итак, заплатив два рубля две копейки, он получил из рук продавщицы подержанный том «Трех мушкетеров». Книгу всех времен и всех народов. Книгу о том, как юноша вступает в столь вожделенную взрослую жизнь и с первых шагов попадает в жуткую свистопляску событий, переживая за короткий срок такие драмы и трагедии, от которых он и его друзья едва опомнились через целых двадцать лет.

Конечно, наш маленький библиофил несколько раз успел посмотреть французский фильм Бернара Бордери с восхитительной Милен Демонжо в роли миледи. Фильм и нравился, и не нравился. Детская непосредственность не отказывалась воспринимать цветной костюмный фильм с удалым, неутомимым и постоянно улыбающимся Жераром Баррэ в главной роли. Но что осталось от романа Дюма? Д'Артаньян на экране запросто расправлялся со всей отборной гвардией старых, испытанных бойцов, приученных к оружию с детства. Они наверняка не раз попадали под удар подкованного копыта боевого коня, но здесь падали от тумачков восемнадцатилетнего юноши. Впрочем, актеру можно было дать и все тридцать. Разве могло это устроить внимательного читателя?

Появляясь в кадре, д'Артаньян лихо раздавал затрещины гвардейцам кардинала, перед ухмыляющимся гасконцем не могла устоять ни одна женщина, он на короткой ноге общался с Ришелье и на фоне представительных друзей легко овладевал любой ситуацией.

Ничего такого в книге не было, и поэтому фильм не нравился, справедливее сказать, нравился лишь отчасти. Гений Александра Дюма в фильме отсутствовал. Даже тени не осталось. Позже наш юный друг увидит много киноверсий, и ни одна из них не сможет его удовлетворить.

Только иногда, благодаря хорошим актерам, можно будет увидеть, как трудно приходится тому или иному герою романа. Как в глазах мелькнет наконец понимание момента. Как судорогой передернет лицо. Но уже звучит победный марш, и перед падением согнули ноги в коленях гвардейцы кардинала. Нет, он не мог этого вынести. И тогда ему пришла в голову смелая мысль: он решил написать свой сценарий.

Сколько же усилий может потребоваться? Сколько вещей предстоит узнать? Однако куда ему было торопиться? В запасе у него была вся жизнь.

«— Анна, подойди, — настоятельница монастыря подозвала шестнадцатилетнюю бенедиктинку, чтобы представить ее священнику.

Новый священник был молод, простодушен. Славное лицо простого деревенского парня, умный взгляд, скрываемая за нарочитой солидностью юношеская непосредственность и любопытство.

— Отче, это — Анна де Бейль.

— Благословите, отче. — Анна опустила на колени, поцеловала священнику руку.

— Ступай. — Настоятельница легко подтолкнула девушку, и та, улыбаясь и едва касаясь земли, удалилась.

Священник невольно проводил ее глазами. Она оглянулась.

— Анна из хорошей семьи, — продолжала настоятельница, — и, может быть, в свое время займет мое место.

— Почему это дитя стало монахиней?

— Родители настояли. По-моему, они ее немного побаиваются. Она же, кажется, ничего не боится. Никогда не теряет ни сна, ни аппетита. Другие девушки боятся грозы или разбойников, собак или лягушек. Она не боится даже темноты.

— Это поистине чистая душа, мать настоятельница, и, надеюсь, принесет славу вашему монастырю.

— Да будет так!»

Наш герой любил свой большой письменный стол, чистый лист бумаги, авторучку, которая заправлялась синими чернилами. Слева на столе стояла старая бронзовая лампа. Такие лампы в сороковых годах были принадлежностью ка-

бинетов и центральных читален. Такая лампа стояла на столе у Сталина. При Сталине не любили излишеств — кабинеты начальников отличались лишь размерами.

Письменный стол придавал всей комнате солидность и интеллигентность. Долгие годы стол был близким другом, прожив столько же лет, сколько обычно отпущено человеку. Поверхность впитала первые рисунки, неумело написанные буквы, школьные сочинения, логарифмические уравнения, позже интегралы, постоянную Планка и пси-функцию. На нее капали чернила и слезы. Как на голограмме, записались письма и научные статьи. Как на могильной плите, стерлись имена покинувших дом людей.

«Ты уже начал писать, — подумал он, мысленно обращаясь к самому себе, — а фильм еще не получил названия».

Однако название пришло сразу — «Три королевских мушкетера». Оно будто приподнимало этот фильм над остальными. Эдакий «King size» — «Королевский размер», как, скажем, танк «Королевский тигр» стоит на ступень выше просто «Тигра». «Кроме того, — рассуждал он, — оно куда более точно отражает род войск, в котором служили друзья д'Артаньяна, ведь отборная конная лейб-гвардия короля называлась королевскими мушкетерами, в отличие от просто мушкетеров, носивших тяжелый мушкет и рогатину в качестве подставки для стрельбы, что, естественно, относило их к пехоте. Наконец, название должно точно указывать на роман Дюма, чтобы не создавать впечатления, будто речь идет о его вольной трактовке».

«— Астрологи способны предсказывать истину, особенно в общем смысле. Но во многих случаях они не имеют этой способности, ибо ничто не препятствует человеку сопротивляться своим страстям. Поэтому сами астрологи говорят, что мудрый человек сильнее звезд, поскольку он побеждает свои страсти. Так говорил Фома Аквинский, и этими словами я заканчиваю свою проповедь. — Священник стоял на кафедре монастырского храма.

Бенедиктинки смотрели на него снизу. Он же чувствовал только зачарованный взгляд огромных голубых глаз Анны де Бейль. Она очнулась, когда его голос стих. Он спустился с кафедры.

В монастырской трапезной к потолку были подвешены клетки с поющими канарейками. Священник сидел за отдельным столом, поставленным рядом со столом настоятельницы и старших монахинь. Остальные расположились за двумя длинными столами вдоль стен. Во время еды одна из монахинь вслух читала Библию.

Анна с трудом отрывала взгляд от священника. Встречаясь с ней глазами, он учтиво и скромно улыбался. Она опустила ресницы.

После трапезы настоятельница подозвала Анну и другую монахиню, постарше:

— Через час кюре отправляется в Лилль. Приготовьте ему комнату для гостей — он должен отдохнуть перед дорогой!»

В комнату вошли сумерки, и наш герой зажег настольную лампу. Он писал, плотно сжав зубы. Иногда надолго останавливался, откидывался на спинку стула и думал. Потом, зачеркнув несколько слов, переделывал предложение. Текст — не жизнь, он не терпит фальши.

Что он знал о пути, приводящим мужчину к девушке? Столько же, сколько о пути орла в небе. Что он вообще знал о пределах отношений двух полов? Как это начинается, чем заканчивается? Он задумался.

Пятидесятые годы... Он — ученик второго класса. К тому времени его отец уже уехал на родину, в Испанию, откуда был увезен в детстве.

По рассказам он помнил, как отца во время войны в Испании посадили на пароход, который шел в Одессу, затем привезли в Москву в интернат на Большой Грузинской, где вырастили и выучили. Студентом молодой испанец женился на его матери. Марина, его мать, русская, не захотела носить фамилию Гонсалес, назло всем гасконцам была блондинкой и дерзко смотрела на мир светло-кариими глазами. Наш юный капитан, напротив, рос темноволосым и синеглазым, как отец. Когда он, Артур Гонсалес, шел рядом с матерью и ее подругой Клавдией, его скорее можно было принять за сына подруги.

Клавдия приходилась Марине дальней родственницей по первому мужу. Ее сын Виталик, как можно догадаться (жизнь

при случае не прочь пошутить), совсем не походил на Клавдию, имел светлые волосы и грустные серые глаза. Виталик немного побаивался нового мужа Клавдии, фигуры весьма примечательной.

Что представлял собой отчим Виталика? Невысокого роста брюнет, ладно скроенный, он, казалось, умел делать все. Волосы, зачесанные назад, при встряхивании головой распадались надвое, красиво свешивались по обеим сторонам лба.

В пятидесятые доживал свой срок послевоенный шик. Костюм с широкими брюками, рубашка в полоску с узким отложным воротничком; на свидание или праздник надевался галстук. Комплект одежды у молодых людей, как правило, был единственным. Фетровая шляпа придавала оттенок респектабельности. Легкая прибалтненность не исключалась. У нового мужа Клавдии на руке была небольшая татуировка — меч со змеей.

Эта мода уже сдавала дела сменщице из-за границы. После Московского фестиваля молодежи и студентов в пятьдесят седьмом стали появляться первые стилиаги — так называли тех, кто осмелился носить цветастые и свободные рубашки, узкие коротковатые брючки и ботинки на толстой каучуковой подошве. Сверстники стали называть парней «чуваками», а девушек — «чувихами». Мужчины волосы удлиняли, женщины укорачивали. Появилась прическа «Я у мамы дурочка». Конспиративно проникли западная музыка и мечта любого стилиаги — жвачная резинка. Вместе с голубем мира, которого нарисовал Пикассо, пришли буги-вуги и рок-н-ролл. Поэты читали стихи у отстроянного памятника Маяковскому. Такое было время.

Муж Клавдии, красивый, ловкий, отчаянный парень, работал техником-конструктором и учился в заочном институте. Он родился в Москве, жил на Солдатской улице. Оттуда в войну ушел в военное училище. По обычаю того сурового времени успел побывать в тюрьме (эта тема никогда и никем не обсуждалась). Лишь однажды он вышел из себя и накричал на Виталика, который, придя из школы, сказал, что чуть не получил «парашу». Так ребяташки из его класса называли

двойку, преобразовав слово «пара» в более мягкое, как им казалось, «параша».

Вадим, так звали ладного мужа Клавдии, демобилизовался в чине сержанта и теперь трудился в секретном КБ, часто выезжая в Тюратам.

Преферанс, бильярд, друзья, футбол, танцы, а также книги, кино, первые телевизионные приемники — такова была его жизнь, и Клавдии приходилось ее терпеть и в ней участвовать.

В те времена бытовой магнитофон еще не появился, и любой компанейский парень при наличии слуха пел и играл на гитаре. Под три аккорда можно было спеть всю жизнь. В ход шли городские романсы, блатные песни, стихи старательно забытого властью Есенина, короче говоря, тот фольклор, который теперь собирают и записывают. Позже на трех аккордах зазвучала поэзия Окуджавы и Высоцкого, но уже пели Галич и Анчаров.

Когда Вадим за праздничным столом брал гитару, ударял по струнам и волосы его рассыпались, все ждали песен. Он пел про лихого Кольку Снегирева, летящего стрелой по Чуйскому тракту в погоне за зеленым «фордом». Артур с Виталиком представляли себе неземной красоты «форд» и мощную грузовую машину АМО, которая пыталась его догнать. На «форте» работала красавица Рая. Однажды она поставила лихому шоферу условие: сумеешь обогнать «форд» — Рая будет твоей. Победа обошлась слишком дорого, Колька Снегирев разбился насмерть.

Из главы «Жена Атоса»:

«— Чувствительное сердце — разбитое сердце, — сказал Атос.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, что любовь — это лотерея, в которой выигравшему достается смерть! Поверьте мне, любезный д'Артаньян, вам очень повезло, что вы проиграли! Проигрывайте всегда — таков мой совет.

— Мне казалось, что она так любит меня!

— Это только казалось вам.

— О нет, она действительно любила меня!

— Дитя! Нет такого мужчины, который не верил бы, подобно вам, что его возлюбленная любит его, и нет такого мужчины, который бы не был обманут своей возлюбленной».

Артура приводила в трепет мысль о том, что должна была чувствовать бедная Раечка, невольно спровоцировав смерть парня.

— А что с ней стало, когда он разбился? — такой вопрос поставил он перед взрослыми.

— Погоревала, а потом, небось, вышла за другого, — сказала, пожав плечами, Клавдия.

— Со смертью мужчины жизнь не останавливается, — это вступил в дискуссию Вадим. — Смерть мужчины — это нормально! Мужчина предназначен для того, чтобы умереть. А женщины и дети должны жить.

— Что ты такое говоришь, прости Господи! — воскликнула Клавдия.

— Эх, ребята, когда вырастете, вы меня поймете. Только невежды думают, что мир создан для мужчин. Да, они хорохорятся, ведут себя шумно, по-хозяйски, устанавливают свои правила, азартно играют. Но сами-то они — подопытные кролики, щепка, идущая на растопку. Они вспыхивают и сгорают, как мазут, в топке истории. А женщины и дети остаются жить. Так-то вот! Хорошо, когда мужчина успевает увидеть своих внуков. Но женщине просто неприлично не дожить до правнуков. Оглянитесь вокруг, посмотрите на родных. Много ли дедов наберется? Даже отцов и старших братьев мало осталось. Часто человек совсем не помнит деда, но всегда знает свою бабушку. — Вадим тряхнул головой. — Вот так и нас, мужчин, когда-нибудь не станет, а вы, женщины, — он посмотрел на Марину и Клавдию, — еще долго-долго будете жить, растить детей, может быть, даже выходить замуж, нянчить внуков, а затем и правнуков. Обязательно правнуков, — подчеркнул Вадим. — Проживете еще целую жизнь. Когда умирает женщина или ребенок — это чрезвычайное происшествие, когда умирает мужчина — это только факт прошедшего дня. И не делайте таких возмущенных лиц, не притворяйтесь, будто вы этого не знали. Женщины знают, что все в мире для них.

После этих слов мальчики преисполнились гордости, а их матери принялись спорить и доказывать, какая тяжелая жизнь выпадает на долю женщин.

— Согласен, — не стал возражать Вадим, — действительно, жизнь тяжелая. Но ведь речь не о жизни, а о смерти. Я вот тут встретил соседскую девочку, спрашиваю, как живет ее цыпленок, а она отвечает: он живет плохо — он умер.

Переведа все в шутку и заставив всех улыбнуться, Вадим ударил по струнам: воровка никогда не станет прачкой, урка не подставит финке грудь... Он остановился, прихлопнув зазвучавшие струны ладонью.

— А вообще-то, кроме шуток, история про Раю не выдумана. Я служил в тех местах.

— Служил? — Клавдия как-то странно спросила, искоса посмотрев на мужа.

— Да, служил, — с нажимом подтвердил Вадим. — До войны там и вправду работала Рая на «форде». И все, о чем поется в песне, — быль. После гибели шофера было следствие. Раю с «форта» сняли, она стала работать на грузовике. Зимой машины ходили по льду Чуя. Однажды она перевозила людей на другой берег. Дело шло к весне, и лед стал подламываться. Но Рая была не шофером, а настоящим асом. Лед трещал, а машина летела, как птица. На берегу стояли люди и смотрели. — Вадим взглянул на ребят, они слушали, открыл рты. — На бешеной скорости машина выскочила на скользкий берег, ее занесло, и она сшибла несколько человек. — Вадим обвел глазами слушателей. — Тогда никому и ничего не прощали. Рая пошла под суд и уже никогда не садилась за руль.

Больше всего мальчики любили песню «В Кейптаунском порту» и всякий раз просили ее спеть. Еще бы! Там, достав кортики, отчаянно дрались французские моряки и полегли все, как один, не отступив ни на шаг. А «Жанетта» отправилась к родным берегам с новым экипажем.

— Да спой ты им эту песню, — поддерживала их Клавдия, — видишь, они за нее тебе пятки лизать готовы.

Самой Клавдии нравились песни про любовь, про влюбленного в знатную леди матроса или про серую юбку.

К вечеру растапливалась голландская печка, одна на две крохотные смежные комнатки. Пили чай. Взрослые тихо разговаривали. Артур слушал, смотрел на мать и думал о том, сколько дней осталось до каникул.

В субботу или предпраздничный день они засиживались у Клавдии допоздна и обыкновенно оставались ночевать. Виталик начинал клевать носом, его относили в постель.

Зимы в Москве были снежные. Двухэтажные деревянные домики на Солдатской утопали в снегу. На улицах было темно и пустынно. Оранжевый свет в узких оконцах находил в себе силу освещать лишь замерзшее стекло, покрытое причудливым ледяным узором. Снег поглощал звуки и краски. В конце длинной улицы появлялся, глухо постукивая на повороте, трамвай. Он осторожно, подрагивая, двигался вдоль Екатерининского дворца, выходил на Красноказарменную и дальше шел некоторое время по маршруту троллейбуса, тоже двадцать четвертого номера, пока не сворачивал к набережной Яузы.

В доме было тепло и уютно, ковровые дорожки лежали на крашеном полу. Женщины ложились в маленькой комнате. В другой комнате на полуторной кровати размещались мальчики с Вадимом. Виталик уже видел десятый сон. Артур засыпал не сразу. Вадим заходил поболтать к женщинам, потом, вернувшись, раздевался в темноте. Он ложился рядом с Артуром, вздыхал, поворачивался и запускал руку ему в трусики.

Артур никогда и никому не говорил об этом. Странно, он понимал, что это плохо, но готов был подчиниться и делал все, что хотел от него Вадим. А тот брал Артура за руку и заставлял принять участие в своей порочной забаве.

Артур вырос, однако больше не имел и не стремился к отношениям подобного рода. Став взрослым, он понял, что здесь тюрьма являла свой страшный лик, осознал, через что прошел Вадим, юношей попав туда. Повзрослев, уяснил животное стремление к превосходству, простейший способ самоутверждения и никогда не пользовался ситуацией для столь примитивного доказательства своего старшинства или силы. Осталась лишь память о порочном вкусе власти, но в нем она и умерла, не заразив новые жертвы, которые понесли бы дальше обманчиво сладкую отраву.

Артур гнал от себя мысли о Виталике, которому, по-видимому, приходилось терпеть куда большие притязания Вадима. Иногда он задавал себе вопрос: знала ли Клавдия про Виталика и Вадима, и позже, решил, что, вполне вероятно, догадывалась, но не смела перечить Вадиму. Впрочем, может быть, знала и находила в этом возбуждающую пикантность?

Клавдия часто ночевала у одинокой большой свекрови, матери ее первого мужа, и тогда Виталик оставался с Вадимом один на один. Перед тем как лечь спать, Виталик должен был вымыть ему ноги, и тот, хмелея от вседозволенности, мог потребовать от мальчика исполнения любой своей прихоти. Спешить ему было некуда, впереди была целая ночь.

Бывали дни, когда Клавдия, жалуясь на плохое самочувствие, стелила себе в комнате, где обычно спал Виталик, и тогда Вадим, не скрываясь, укладывал Виталика вместе с собой. Он снимал с себя одежду, ложился рядом и для начала по-хозяйски клал на него колено. Виталик замирал, здесь уже было не до сна. Вадим сам не мог сразу уснуть и ему не давал. Слегка подталкивая, он заставлял Виталика передвинуться вниз под одеяло.

Но Вадиму мало было повергнуть ниц одного Виталика, при удобном случае он, развлекаясь с Артуром, охватывал босыми ступнями его шею и мягко валил в изножье кровати, призывая к полному подчинению. И Артур, чувствуя, как горят щеки, не помня себя, безмолвно подчинялся.

Опыта отношений с женщинами у Артура пока не было, он лишь интуитивно угадывал нюансы любовных связей. Ему нравились девочки и нравилось их внимание. Девушки и женщины по-настоящему волновали его. Он бы все отдал, чтобы они делали с ним то же, что делал Вадим. Если бы Клеопатра потребовала у него жизнь за ночь, проведенную с ней, он бы, наверное, согласился. Между тем он плохо представлял себе, как это происходит с женщиной.

Когда он оставался на день-два у Клавдии, он спал в комнате Виталика. Клавдия ложилась с мужем. Виталик засыпал быстро и начинал мерно посапывать. Взрослые шептались, затем, решив, что дети уснули, давали волю своим чувствам. Артур, лежа в темноте, через неприкрытую дверь слышал,

как в сопровождении шлепающего звука скрипит кровать. Вадим начинал тяжело дышать, а Клавдия легонько постанывать. Наконец они останавливались и замирали.

«В монастырь бенедиктинок тихо пришла зима. Легкий снежок закружился в воздухе. Такой легкий, что не мог прикрыть промерзшую сухую землю и лишь припудрил наветренную сторону обочин дорог да белыми мазками раскрасил овраги.

У ворот мать-настоятельница беседовала с высоким серьезным человеком лет тридцати, одетым во все черное и с небольшой черной бородой. Они прохаживались по дороге, он из почтительности держал шапку в руках.

— Я знаю, мессир, — говорила настоятельница, — ваш брат кюре, нарушив обеты, влюбился в Анну де Бейль и, продав священные сосуды, бежал вместе с нею. Слышала, что в Лилле их узнали и заключили в тюрьму.

— Увы, Анна де Бейль соблазнила не только моего брата, но и сына королевского прокурора. Ее отпустили. Брата приговорили к десяти годам заключения в кандалах и клейму преступника. Я, лилльский палач, должен был заклеить собственного брата.

Настоятельница перекрестилась.

— Но я отомстил, — продолжал человек в черном. — Мне удалось ее выследить, и я наложил на нее такое же клеймо, как и на моего брата.

Настоятельница по-женски тихо вскрикнула. Теперь она не отрываясь смотрела на лилльского палача.

— Вот! Я приехал сказать вам это. Прошу вас: помолитесь за него и за меня.

— Бог милостив! Я буду молиться.

— Это не все. Она исчезла. Вернувшись в Лилль, я узнал, что мой брат тоже исчез. Меня обвинили в его побеге, и теперь я должен занять его место в тюрьме, пока он не объявится.

— Боже, сколько жизней сломано!

— Она не остановится, — мрачно сказал палач. — Ей всего только шестнадцать, что же будет лет через пять? Она была в моих руках, но я не осмелился лишить ее жизни.

— *Всему свое время, и время всякой вещи под небом. Ступайте с Богом, мессир. Придет ваше время, и вы совершите правосудие Божье.*

Она перекрестила его и пошла к воротам. Он стоял и смотрел ей вслед. Снег опускался на его длинные волосы, покрывая их сединой».

Артур положил авторучку на стол. Итак, Анна де Бейль, будущая миледи, соблазнила сначала священника, а затем сына королевского прокурора, чтобы избежать наказания. Артур понимал, что миледи только осваивала свой прием мистического сладострастия, так блестяще использованный ею в приручении Фельтона.

Артур вырастет и узнает, как легко женщина делает своим рабом порядочного человека. Преклоняясь перед ним вначале, оценивая с любовью его достоинства, в которых он сам себе не смеет признаться, она приобретает все больше и больше власти. Возбудив к себе сострадание, она становится его кумиром. Его любовь начинает питаться добром, которое он несет своей любимой. Человек так устроен: он любит людей за добро, которое он им сделал, — именно так, а не наоборот, потому что гордыни в человеке всегда больше, чем чувства благодарности. А благодарность... благодарность — самое редкое, легковесное и хрупкое чувство из всех человеческих чувств.

«Весна в Берри с восторгом была встречена вишневыми садами. Деревья оделись в ажурные бело-розовые покрывала. Воздух, пронизанный солнцем, струился сиреневой дымкой. Солнечные лучи без труда пробивались сквозь ветви зацветающих вишен. Над садами плыл малиновый звон колоколов. Вдали, у кромки суровых лесов, прозрачная дымка переходила в густую синеву.

Вишневый сад выходил к оврагу. По молодой траве между рядами деревьев шла очаровательная молодая пара. Девушка лет семнадцати, Анна де Бейль, опрятно одетая, с сияющими, как небо, глазами; ее сопровождал молодой вельможа с открытым и чистым лбом, прекрасно сложенный, в скромном, но элегантном костюме. Шляпу с пером он держал в руке. Они шли к оврагу.

— Дорогая Анна, не могу поверить, что завтра вы будете моей женой.

— Ах, ваша светлость, вы полновластный господин на землях графства. Вы можете казнить и миловать своих подданных. Но знайте: вы уже подарили счастье одной из них.

Анна и граф де Ла Фер приблизились к обрыву. Она боязливо прижалась к плечу графа. Он повернулся к ней. Ее глаза смотрели снизу вверх робко и в то же время призывно. Он обнял и мягко поцеловал ее.

— Ты с ума сошел, — прошептала она, прижимаясь к нему и замирая от счастья».

2. Первые открытия

Артуру непросто далась эта сцена. Несколько раз он переписывал ее. Он чувствовал, что при спящем воображении слова лишаются смысла.

Как бы он определил женщину? Женщина — это любопытство, самолюбие, слабость, эгоизм и венчающая их жестокость. Самые слабые оказываются наиболее жестокими. Как всякая крайность приобретает противоположные свойства, так слабость становится силой. Только жестокость — это мнимая часть силы. Действительной частью является великодушие.

«Вот она, математическая модель жизни, — думал Артур, а он был хорошим математиком, — все носит комплексный характер. Действительная часть — добрая, светлая, подаренная Богом, мнимая — злая, темная, inferнальная. Вектор наших мыслей и поступков, как стрелка, занимает некоторое промежуточное положение, в зависимости от величины этих компонент».

Артур вздохнул, он подозревал, что чем ближе к схеме, тем дальше от жизни. Столкнувшись с жизнью, формулы на-

Литературно-художественное издание

ГЕОРГИЕВ ВСЕВОЛОД

ВСЕ ПРИШЕДШЕЕ ПОСЛЕ

РОМАН-АПОКРИФ

Книга издана в авторской редакции

*Дизайн: А. П. Зарубин
Корректор О. В. Круподер*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 24.04.2014 г.
Формат 60×90/16. Гарнитура «Warnock Pro».
Печ. л. 46,5. Тираж 1000 экз.
Заказ №

ООО «Издательство «Этерна»
115477, г. Москва, Кантемировская ул., д. 59а
Тел./факс (495) 755-81-23

Е-mail: info@eterna-izdat.ru
www.eterna-izdat.ru